

Эксперт не решает спор: специальные знания в арбитражном процессе

18.06.2026

СТАТЬИ

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Сейчас арбитражные споры все реже сводятся к чисто юридической квалификации. За привычными категориями, такими как убытки, стоимость доли, качество работ, техническая возможность исполнения обязательства и прочие, почти всегда стоит специальная фактура: оценочная, инженерная, бухгалтерская, финансово-экономическая, экологическая, технологическая или цифровая. Суд устанавливает факты по правилам процесса, но для понимания их специальной стороны ему нередко требуется внешняя компетенция. Отсюда рост значения судебной экспертизы в арбитражном процессе. В сложном коммерческом споре экспертное заключение нередко становится документом, вокруг которого выстраивается вся дальнейшая позиция сторон. Этого заключения ждут как развязки в решении ключевых вопросов: сколько стоит актив, есть ли дефект, каков размер потерь, соответствуют ли работы проекту, могла ли система функционировать иначе. Но именно здесь возникает опасная процессуальная иллюзия по поводу того, что, ответив на специальный вопрос, эксперт фактически решает исход спора.

На самом деле эксперт не заменяет собой суд. Он лишь вводит в процесс специальное знание в форме, пригодной для проверки, обсуждения и оценки. И главный вопрос состоит вовсе не в том, нужны ли суду специальные знания, а в том, как превратить эти специальные знания в судебное убеждение, не подменив оценку доказательств доверием к профессиональному авторитету эксперта.

Экспертиза как процессуальная форма специального знания Арбитражный процессуальный

кодекс РФ связывает назначение экспертизы с необходимостью разъяснения вопросов, требующих наличия специальных знаний. Эта формула важна сама по себе: закон говорит не о передаче судом части спора эксперту, а о разъяснении того, что без специальных познаний не может быть понято и проверено обычными процессуальными средствами.

Эксперт исследует фактическую сторону вопроса в пределах задания, сформулированного судом. Суд же оценивает заключение в системе всех доказательств и решает, какие обстоятельства считать установленными. Это различие иногда кажется очевидным, но именно оно чаще всего теряется на практике. Эксперт может определить рыночный диапазон стоимости, рассчитать размер возможных потерь, выявить техническое состояние объекта, установить объем выполненных работ или указать на причину дефекта. Но он не должен решать, подлежат ли убытки взысканию, имело ли место нарушение договора, доказана ли недобросовестность, наступили ли юридические последствия того или иного факта.

В связи с этим первым фильтром качества экспертизы является корректная постановка вопросов. Адресованный эксперту вопрос должен быть специальным, а не правовым. Если формулировка вопроса фактически содержит правовую квалификацию, заключение будет внешне техническим, но внутренне — процессуально уязвимым, то есть эксперт окажется втянут в оценивание, которым должен заниматься суд.

На практике отмечено, что исход исследования часто бывает предопределен формулировкой вопроса. Например, при расчете убытков результат может существенно зависеть от того, учитываются ли меры по минимизации потерь, альтернативные сценарии поведения потерпевшей стороны, рыночные допущения, конкретный период расчета или отдельные группы затрат. Поэтому работа с экспертизой начинается не после получения заключения, а еще до ее назначения — с определения предмета доказывания, отбора вопросов, выбора экспертной организации и перечня материалов, которые должны быть переданы эксперту.

Заключение эксперта: доказательство без заранее установленной силы

Заключение эксперта входит в доказательственную базу дела, но не обладает заранее установленной доказательственной силой. Оно, как и другие доказательства, оценивается по тем же базовым правилам относимости, допустимости, достоверности, достаточности и взаимной связи с остальными материалами дела. Именно здесь возникает главная зона риска. Эксперт обладает знанием, которым суд обычно не располагает. Это создает естественный соблазн заменить судебное рассуждение ссылкой на экспертный вывод: эксперт посчитал, эксперт установил, эксперт подтвердил и т. п. Однако такая логика опасна. Суду важно оценить не только итоговую цифру или ответ «да / нет», но и путь, по которому эксперт пришел к своему выводу.

Минимально необходимыми являются три уровня проверки:

1. процессуальный — надлежащим ли образом назначен эксперт, получил ли он материалы через суд, не вышел ли за пределы вопросов, были ли стороны уведомлены о значимых экспертных действиях, не собирал ли эксперт самостоятельно сведения, которые должны поступать в процесс в установленном порядке;
2. методический — суд и стороны должны понимать, какие исходные данные использованы, почему выбрана именно такая методика, проверяемы ли расчеты, раскрыты ли допущения, есть ли логическая связь между исследовательской частью и выводами. Если методика названа, но не объяснена, а расчет невозможно воспроизвести, убедительность заключения резко снижается;
3. доказательственный — заключение должно соотноситься с другими материалами дела. Оно может подтвердить их, объяснить противоречия или, напротив, вступить с ними в конфликт. В последнем случае суду необходимо показать, почему именно экспертный вывод заслуживает доверия либо почему он не может быть положен в основу решения.

Отсюда следует практический вывод: заключение эксперта не ограничивает обычный функционал суда не потому, что специальное знание второстепенно, а потому, что любое доказательство должно пройти через мотивированную судебную оценку. Чем сложнее предмет экспертизы, тем выше требования к прозрачности этой оценки.

Повторная экспертиза: не средство несогласия, а реакция на дефект

Повторная экспертиза часто воспринимается стороной как естественная реакция на неблагоприятное заключение, но само по себе несогласие с результатом обычно не создает процессуальной потребности в новом исследовании. Суду важен не факт разочарования стороны, а наличие конкретного дефекта: противоречия, неполноты, методической ошибки, сомнительных исходных данных или нарушения процедуры.

Практика сопровождения экспертиз показывает, что шанс на назначение повторного исследования появляется при наличии предметной критики. Значение могут иметь расхождение между фактическими замерами и актом осмотра, использование неуполномоченных средств измерения, участие неуполномоченных лиц, самостоятельный сбор экспертом материалов вне процессуального порядка, отсутствие фиксации ключевых этапов осмотра, внутренние противоречия между исследовательской частью и выводами.

Таким образом, спор по поводу необходимости проведения повторной экспертизы начинается задолго до подачи ходатайства. Если исследование связано с осмотром объекта, стороне важно заранее решить, кто будет присутствовать при осмотре, какие обстоятельства нужно зафиксировать, какие приборы и документы проверить, какие замечания внести в акт. Такая фиксация не заменяет судебную экспертизу, но дает суду материал для проверки достоверности экспертного вывода.

Рецензия на заключение эксперта также не должна превращаться в текст о несогласии. Ее процессуальная ценность состоит в том, чтобы показать суду конкретную причину, по которой результат экспертизы нельзя принять без дополнительной проверки. Таковой

может быть неверная исходная предпосылка, неподходящая методика, расчетная ошибка, необоснованное допущение, выход за пределы компетенции или игнорирование обстоятельства, существенного для исследования. В этом смысле правильным для суда будет вопрос не о том, какой эксперт более убедителен, а о том, можно ли на основании данного заключения сформировать судебное убеждение без устранения выявленных сомнений.

Специалист и иные средства разъяснения

Арбитражный процесс знает не только экспертизу как средство установления обстоятельств, требующих специальных знаний. Наряду с ней используются консультации и пояснения специалистов, внесудебные заключения, рецензии, расчеты, технические отчеты и иные документы, подготовленные по инициативе стороны. Эти инструменты нельзя смешивать с судебной экспертизой, которая проводится на основании определения суда и в процессуальной форме, давая сторонам определенные гарантии. Заключение специалиста не становится судебной экспертизой только потому, что его подготовило квалифицированное лицо. Однако и обратный вывод был бы неверным: такой материал может иметь процессуальное значение при оценке доказательств, проверке экспертного заключения или при решении вопроса о назначении дополнительной либо повторной экспертизы.

Специалист полезен тогда, когда суду и сторонам требуется не новое полноценное исследование, а разъяснение специального вопроса. Он может показать, почему предложенная методика неприменима, какие исходные данные действительно существенны, какие вопросы следовало поставить эксперту, где в заключении возникает логический разрыв между исследованием и итоговым выводом. Особенно заметна роль специалиста при проверке заключения эксперта. Технический спор сам по себе редко убеждает суд: он должен быть переведен на понятный процессуальный язык. Хороший специалист помогает не просто сформулировать альтернативный вывод, а объяснить, насколько проверяемым является исходный экспертный ответ.

При этом суду необходимо различать функции разных материалов. Рецензия может обосновать критическую оценку заключения или необходимость нового исследования, но обычно не заменяет судебную экспертизу. Альтернативное заключение может быть учтено как документ, но его вес зависит от прозрачности методики, исходных данных и возможности проверить расчет. Консультация специалиста может разъяснить специальный вопрос, но не должна подменять собой экспертизу, когда требуется самостоятельное исследование объекта. Иными словами, не всякое специальное знание в деле является экспертизой, но многие формы специальных знаний способны влиять на судебное убеждение, если помогают суду проверить факт, метод и вывод.

Судебное убеждение: оценка результата и процедуры

Судебное убеждение формируется не с поступлением экспертного заключения в материалы дела, а позже — когда суд сопоставляет заключение с доказательствами, оценивает доводы сторон, реагирует на сомнения и объясняет, почему принимает либо отклоняет экспертный вывод. Поэтому формула «оснований не доверять эксперту не имеется» сама по себе мало что объясняет. Она может быть достаточной только в том случае, если из судебного акта видно, какие возражения заявлялись и почему они признаны несостоятельными. Если же сторона указывает на конкретные дефекты исследования, суд должен ответить на них по существу.

Особенно высокие требования к мотивировке возникают тогда, когда экспертное заключение фактически предопределяет исход дела. Если расчет эксперта становится основанием для взыскания крупной суммы, а технический вывод — основанием для признания нарушения договора, суду необходимо показать, почему именно этому заключению он доверяет.

Оценка должна охватывать не только содержание вывода, но и процесс его получения: как были сформулированы вопросы, какие материалы получил эксперт, проверены ли исходные данные, не вышел ли эксперт за пределы задания, как он объяснил свои выводы при опросе,

устранил ли сомнения, возникшие из рецензии или пояснений специалиста. В этом смысле процедура экспертизы имеет доказательственное значение. Дефект процедуры способен разорвать связь между специальным знанием и судебным убеждением. Если эксперт получил важные данные вне процессуального порядка, замеры невозможно проверить, методика не раскрыта, вывод не следует из исследовательской части, то перед судом уже не надежное специальное знание, а утверждение, требующее дополнительной проверки.

Сравнительный взгляд: США, Англия и континентальная Европа

Иностранный опыт полезен здесь не как готовая модель для заимствования, а как способ разложить проблему на три элемента: надежность метода, независимость экспертной роли и пределы судебного контроля. Разные правопорядки по-своему организуют участие экспертов, но исходят из общего принципа: экспертное знание не освобождает суд от самостоятельной оценки.

В США центральной стала идея *judicial gatekeeping*. После дела *Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc.*, 509 U.S. 579 (1993) и развития Правила 702 Федеральных правил доказывания США (*Federal Rules of Evidence, Rule 702*) суд должен проверять, является ли экспертное мнение не только релевантным, но и надежным: основано ли оно на достаточных данных, надежных принципах и методах, корректно ли эти методы применены к обстоятельствам дела. Для российской дискуссии важна сама методологическая рамка: квалификации эксперта недостаточно, если не проверены данные, метод и связь метода с фактом.

В Англии и Уэльсе акцент иной: эксперт рассматривается прежде всего как помощник суда. Правила гражданского процесса ограничивают экспертное доказательство тем, что разумно необходимо для разрешения спора, а обязанность эксперта перед судом превалирует над обязанностью перед стороной, которая его привлекла или оплачивает. Эта конструкция важна для обсуждения «частных» заключений и экспертов сторон — специальное знание должно служить установлению факта, а не превращаться в форму процессуальной

ангажированности.

В ряде континентально-европейских право порядков сильнее выражена модель судебно назначаемого эксперта. Эксперт включается в процесс познания факта, организованный судом, а не выступает исключительно как доказательственный ресурс стороны. Российский арбитражный процесс во многом ближе именно к этой логике, хотя на практике сочетает судебную экспертизу с активной состязательной работой сторон вокруг экспертного знания.

Сравнительный вывод практичен. США дают язык надежности экспертного знания, Англия — идею обязанности эксперта перед судом, континентальная Европа — образ судебно организованного экспертного познания. Для российского арбитражного процесса одновременно важны все три подхода: заключение должно быть надежным по методике, независимым по функции и встроенным в процессуальную форму, позволяющую суду мотивированно оценить результат.

Практические выводы

Для стороны, ходатайствующей о проведении экспертизы, ключевая задача заключается не просто в том, чтобы добиться ее назначения, но и в том, чтобы заранее определить, какие обстоятельства действительно требуют специальных знаний, предложить корректные вопросы, отделить факты от права, обосновать кандидатуру эксперта или экспертной организации, определить состав материалов и понять, какая методика может быть применена.

Для стороны, оспаривающей экспертизу, главной ошибкой будет спорить только с итоговым выводом. Эффективная критика направлена на исходные данные, процедуру, методику, полноту исследования и логическую связь между исследовательской частью и результатом. Рецензия, консультация специалиста и опрос эксперта имеют смысл тогда, когда помогают суду увидеть конкретный дефект, а не просто альтернативную позицию.

Для суда главная задача — не допустить превращения экспертизы в доказательство с

заранее установленной силой. Экспертное заключение может быть решающим доказательством, но только в том случае, если проверено, сопоставлено с материалами дела и мотивированно принято. Суд не должен назначать повторную экспертизу по каждому возражению стороны, но обязан отличать тактическое несогласие от содержательного сомнения.

* * *

Специальные знания в арбитражном процессе выполняют служебную, но не второстепенную функцию. Они позволяют суду увидеть фактическую сторону спора тогда, когда юридического знания недостаточно. Однако эксперт не заменяет суд, специалист не заменяет эксперта, а рецензия не заменяет судебную оценку.

Путь от специальных знаний к судебному убеждению проходит через процессуальную форму, проверку методики, состязательную критику и мотивированную оценку. Экспертиза становится убедительной не потому, что ее выполнил эксперт, а потому, что ее можно проверить. Именно поэтому вопрос об экспертизе не только о квалификации эксперта, но и о качестве судебного познания, а также о том, способен ли суд превратить сложное специальное знание в мотивированное, проверяемое и справедливое судебное решение.

Юрий

Аксенов

партнер Orchards

СТАТЬИ

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС